

ДИАТЕЗЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИЙ

Мария Овсянникова

Институт лингвистических исследований, РАН

masha.ovsjannikova@gmail.com

Резюме. В статье рассматриваются диатезы, диатетические альтернативы и отдельные конструкции, свойственные глаголам эмоций в русском языке. Особое внимание уделено пределам диатетических альтернатив и тем типам употреблений, которые оказываются за их рамками. В частности, обсуждаются различия между разными типами конструкций с дополнением в творительном падеже при переходных глаголах эмоций, а также употребления возвратных глаголов эмоций для введения прямой речи. Также анализируется распределение употреблений глаголов эмоций с точки зрения частотности различных диатез и конструкций, и отмечаются такие конструкции, которые являются специфическими для отдельных глаголов эмоций.

Ключевые слова: глаголы эмоций, диатеза, альтернатива, семантический сдвиг

1. Введение

Как неоднократно отмечалось в литературе, глаголы эмоций отличаются особым разнообразием возможных способов соответствия между участниками и синтаксическими позициями, т. е. диатез, см. (Croft 1993; Падучева / Paducheva 2004: 273; Verhoeven 2007: 44). В ситуациях, которые описывают эти глаголы, обычно присутствуют два участника: экспериенцер – участник, испытывающий эмоцию, – и стимул, вызывающий данную эмоцию. Во многих языках существуют пары деривационно связанных и/или близких по значению глаголов эмоций, при одном из которых позицию подлежащего занимает экспериенцер, а при другом – стимул. В русском языке такие пары обычно включают переходный глагол с подлежащим-стимулом и возвратный глагол с подлежащим-экспериенцером, как в паре *удивлять – удивляться* в 1.–2. В таких парах состоит большая часть глаголов эмоций русского языка, см. (Овсянникова / Ovsjannikova 2019).

1. *Меня, как и многих зрителей, удивляло отношение Кононова к своей роли:* <...> [Форум «Большая перемена», 2001–2011]

2. *И он каждый раз удивляется находке и радуется ей:* <...> [Виктор Конецкий. «Вчерашние заботы», 1979]

* Мария Овсянникова. Диатезы русских глаголов эмоций. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 161–179.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.06>

В типологической литературе разнообразие синтаксических типов глаголов эмоций и распространенность альтернативных конструкций с подлежащим-экспериенцером и подлежащим-стимулом объясняется тем, что семантически и экспериенцер, и стимул могут претендовать на позицию подлежащего: экспериенцер – как единственный участник ситуации, который обязательно является одушевленным и обычно личным, стимул – как участник, который служит причиной возникновения ситуации, воздействует на экспериенцера (Dowty 1991: 579; Bossong 1998: 259).

Предлагались различные подходы к проблеме выбора диатезы в случае альтернатиции. Во многих формальных подходах распределение глаголов таких пар предлагается объяснять различием в семантических ролях участников (Grimshaw 1990; Pesetsky 1995). Другое объяснение состоит в том, что выбор между диатезами с подлежащим-экспериенцером и подлежащим-стимулом связан с коммуникативными рангами участников, т. е. тем, какой из них обладает тематическим статусом (Падучева / Paducheva 2004: 281–282). С этой точки зрения альтернатицию переходных и возвратных глаголов эмоций сравнивают с пассивом (Апресян / Apresyanyan 1998; Падучева / Paducheva 2004: 273–306). В работе (Овсянникова / Ovsyannikova 2015) на основе анализа корпусных данных предлагается связывать выбор диатезы глаголов эмоций с дискурсивными функциями содержащих их клауз в тексте. Конструкции с возвратной диатезой обычно вписаны в нарративную цепочку и составляют одну из последовательных ситуаций, в которых протагонистом является экспериенцер при глаголе эмоций, ср. глагол *испугаться* в примере 3. Переходная диатеза часто используется в клаузах, относящихся к фоновому комментарию о реакции участника на события нарративной цепочки, ср. глагол *обрадовать* в примере 3.

3. *Наверное, когда примчались кошки, Лари испугался и нашел укрытие в углу дивана, где лежали горкой старые подушки <...>. Так вот, щенок подушки разбросал и протиснулся вниз. Кошки доставать его оттуда не стали. Почувствовав себя в безопасности, Ларик задремал. Этот случай меня обрадовал. Во-первых, кошки его не тронули. Значит, смирились с присутствием другой собаки и готовы налаживать отношения. Во-вторых, щенок не растерялся и сообразил, как надо поступить в опасной ситуации.* [Н. Ф. Королева. Другая собака // «Наука и жизнь», 2007]

При большинстве переходных и при отдельных возвратных глаголах эмоций наблюдается альтернатиция диатез, которая касается синтаксического выражения стимула и описывается в терминах расщепления стимула (Падучева / Paducheva 2004: 282–284). В этой диатетической альтернатиции конструкции, в которых стимул выражен с помощью единой группы, противопоставлены т. н. расщепленным конструкциям, в которых стимулу соответствуют две синтаксических сущности. При переходных глаголах эмоций в первом случае стимул в виде единой группы выражен в позиции подлежащего (4.), во втором отде-

льными компонентами стимула можно считать участников в позициях подлежащего и дополнения в творительном падеже (5.).

4. *Вид Эдуарда Михайловича неприятно поразил кардиолога.* [Влада Валеева. «Скорая помощь», 2002]

5. *И правда, в первый же вечер он поразил Ольгу Васильевну потрясающим искусством.* [Ю. В. Трифонов. «Другая жизнь», 1975]

Помимо того, что применительно к этой паре конструкций также существует вопрос выбора одной из альтернирующих диатез, могут быть разные подходы к месту расщепленной диатезы в альтернации переходной и возвратной диатез. Формально, если расщепление происходит уже после выбора участника, занимающего позицию подлежащего, по-видимому, следует считать, что расщепленные конструкции, как и нерасщепленные, участвуют в этой альтернации.

Помимо переходной и возвратной диатезы, для глаголов эмоций совершенного вида (далее – СВ) как отдельную диатезу можно рассматривать конструкции с пассивными причастиями прошедшего времени, при которых экспериенцер, как и в возвратной диатезе, находится в позиции подлежащего (6.).

6. *Я был удивлен упорству и силе рыбы.* [В. М. Шипков. Поединок под водой // «Спортсмен-подводник», 1969]

7. *Ленька, обрадованный ее разрешением ехать завтра в город, весело поспешил за ней.* [Валентина Осеева. «Динка», 1959]

Парадигматически эти конструкции находятся на другом уровне, чем две оставшиеся диатезы: они анализируются либо как формы переходных глаголов, либо как формы, соотносимые и с переходным, и с возвратным глаголом (Князев / Knyazev 2007: 525–566). С синтаксической точки зрения их двойственная природа проявляется в том, что при большинстве таких причастий стимул может оформляться либо творительным падежом, как ожидалось бы для смещенного подлежащего при пассиве (7.), либо тем средством, которое используется для кодирования стимула при возвратном глаголе (6.), см. о выборе между этими способами кодирования в работе (Ovsjannikova, Say 2021). В семантическом отношении специфическая функция конструкций с такими причастиями – описание длящегося эмоционального состояния экспериенцера. Тем не менее в литературе можно встретить различные взгляды на аспектуальный потенциал таких конструкций: Е. В. Падучева признает за ними только статальное значение (Падучева / Paducheva 2004: 277), в то время как Ю. П. Князев считает, что при наличии связки краткие формы таких причастий также могут употребляться для описания динамической ситуации – вхождения в эмоциональное состояние (Князев / Knyazev 2007: 562–563). Как показывает анализ в (Ovsjannikova, Say 2021), в ряде контекстов действительно можно говорить о динамическом прочтении причастия, однако многие употребления сложно однозначно охарактеризовать в терминах аспектуальной интерпретации.

Учитывая то, что с аспектуальной точки зрения возвратные и переходные глаголы несовершенного вида (далее – НСВ) также могут описывать длящееся состояние экспериенцера, а глаголы СВ – вхождение в состояние, конструкции с пассивными причастиями могут быть синонимичны возвратной или переходной диатезе, и их можно рассматривать как третий член данной альтернативы. Действительно, существуют контексты, в которых эти три конструкции описывают семантически близкие ситуации, ср. (8.–10.).

8. *Меня бы обрадовало твое письмо, настоящее, с ароматом чистого тела и быстрой реки.* [Анатолий Кирилин. Нулевой километр // «Сибирские огни», 2013]

9. *Ты даже представить не можешь, как я обрадовался твоему письму!* [Григорий Горин. «Иронические мемуары», 1990–1998]

10. *Я бесконечно был обрадован Вашим письмом.* [В. Т. Шаламов. «Письмо А. А. Рубанцеву», 1965]

Таким образом, одна из проблем исследования распределения диатез глаголов эмоций состоит в том, чтобы определить, каков круг конструкций, которые следует включать в рамки единой системы альтернатив. Другая проблема – наличие в пределах этой системы таких контекстов, которые по разным причинам с трудом поддаются анализу в терминах альтернативы диатез.

В данной статье ряд конструкций, в которых регулярно употребляются глаголы эмоций, рассматривается с точки зрения их места в системе альтернатив, свойственных русским глаголам эмоций, а также производится анализ употреблений нескольких базовых глаголов эмоций русского языка с целью выявления общих закономерностей частотного распределения диатез. Материалом исследования послужили тексты основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru).

Статья организована следующим образом. Раздел 2 посвящен конструкциям с дополнением в творительном падеже: анализируется разнообразие этих конструкций и то, в какой мере различные употребления такого типа поддаются анализу в терминах альтернативы диатез. В центре внимания находится противопоставление употреблений с одушевленным и с неодушевленным участником в позиции подлежащего. В разделе 3 рассматриваются конструкции, в которых возвратные глаголы эмоций используются для введения прямой речи. Ставится вопрос о том, каким образом употребления в этих конструкциях семантически соотносятся с контекстами, где глаголы эмоций описывают собственно (переход в) эмоциональное состояние. В разделе 4 предлагается обзор частотности основных конструкций, в которых глаголы эмоций фиксируются в текстах корпуса, отмечаются закономерности, общие для всех глаголов, и типы употреблений, специфические для отдельных глаголов эмоций русского языка. Раздел 5 содержит основные выводы.

2. Конструкции с расщепленным стимулом

Как упоминалось выше, в роли экспериенцера в норме выступает одушевленный, чаще всего – личный, участник. Стимул является семантически более сложной ролью. Стимулом может быть одушевленный или неодушевленный участник (Bossong 1998: 259). Неодушевленный стимул часто соответствует ситуации, у которой можно выделить протагониста, в частности посессора, обладающего определенным свойством (11.), или агенса, если речь идет о действии (12.).

11. *Еще в детстве маленькая Соня удивляла домашнего учителя своими необыкновенными способностями к математике.* [Г. Ф. Молчанов. Софья Васильевна Ковалевская // «Наука и жизнь», 1950]

12. *Удивляли они прудковцев тем, что на втором и на третьем году замужества все еще ходили по весенним вечерам на припевки.* [Борис Можяев. «Живой», 1964–1965]

Этот участник одушевленный, т. е. часто имеет тематический статус, и он занимает центральное место в ситуации-стимуле и может считаться ответственным за нее. В этом заключается семантическая мотивация расщепления стимула, т. е. выражения одушевленного участника и самой ситуации-стимула в качестве двух отдельных групп при глаголе эмоций, ср. (11.–12.).

В оставшейся части этого раздела обсуждаются конструкции с переходными глаголами эмоций и дополнением в творительном падеже. Следует отметить, что некоторые типы конструкций с этими формальными признаками не могут быть соотнесены с нерасщепленной структурой по определению.

Один из таких типов включает употребления, в которых инструментальное дополнение входит в сферу действия отрицания, см. (Кустова / Kustova 1996; Апресян В. / Apresyan V. 2013). Подобные контексты предполагают, что участник, выраженный в позиции подлежащего, не обладает тем свойством или не совершил то действие, которое выражается инструментальным дополнением (13.). Сведение данной структуры к потенциальной нерасщепленной привело бы к пресуппозиции существования данного участника, как в примере (13'.), тем самым нарушая семантическую эквивалентность.

13. *Формы же не удивляют разнообразием: художника привлекают дамы до изящества хрупкие.* [Парк культуры (1997) // «Столица», 1997.07.01]

13'. *Разнообразие форм не удивляет.*

Существуют и такие употребления с отрицанием, в которых семантическая связь между двумя компонентами стимула не отрицается и для которых преобразование в нерасщепленную структуру потенциально возможно, ср. (14.).

14. *Бенефисное явление Михаила Светина, впрочем, <...> отнюдь не раздражает своим умело педалируемым комизмом.* [«Тень» знает свое место (2004) // «Театральная жизнь», 2004.06.28]

Также не рассматриваются как результат расщепления стимула такие конструкции, которые имеют агентивную интерпретацию (15.): для них исходной считается структура с инструментальным дополнением, ср. (Падучева / Paducheva 2004: 284).

15. *Ее пугали тем, что она никогда больше не увидит «шестую часть суши».* [Людмила Лопато. «Волшебное зеркало воспоминаний», 2002–2003]

Согласно Е. В. Падучевой, участник, оформленный творительным падежом в таких конструкциях, может подвергаться подъему в позицию подлежащего. Получается, что при глаголах, допускающих как агентивное, так и неагентивное прочтение, конструкция с неодушевленным участником в позиции подлежащего в ряде случаев, ср. (16.), может анализироваться и как нерасщепленная структура со стимулом в позиции подлежащего, и как результат подъема участника, близкого к инструменту, ср. (Там же). При таком анализе корпусное исследование выбора между альтернирующими диатезами с переходными глаголами эмоций, по-видимому, оказывается затруднительным.

16. *Великий страх овладевал их сердцами, ибо их пугали рассказы, что те горы достигают самого неба.* [С. Т. Григорьев. «Александр Суворов», 1939]

В описанных выше случаях структура с инструментальным дополнением принципиально не может рассматриваться как расщепленная. Корпусные данные показывают, что и из оставшегося круга употреблений далеко не все легко преобразуемы в нерасщепленную структуру.

Во-первых, в ряде случаев между компонентами стимула существуют синтаксически нерегулярные отношения, так что их предполагаемое расщепление потребовало бы идиосинкратических синтаксических преобразований, ср. (17.) и сконструированный пример (17'.).

17. *<...> он уже не причинит вреда всем тем, кого [он] так пугал [и яростью творчества, и любовью миллионов, и свободным пересечением грани, и возможностью невозврата] – и вот его везут.* [Василий Аксенов. «Таинственная страсть», 2007]

17'. *<...> кого так пугала и ярость [его] творчества, и любовь [к нему] миллионов, и свободное пересечение [им] грани, и возможность [его] невозврата.*

Во-вторых, семантическая связь между группами, соответствующими стимулу, может быть весьма непредсказуемой и отдаленной, как в (18.–20.).

18. *Мрачная, полная тоски жизнь, обрисованная автором, удивляет богатством фантазии.* [И. А. Ефремов. «Час быка», 1968–1969]

19. *Тишина и ожидание бессонницы в необжитом номере пугали его навязчивым беспокойством одиночества.* [Юрий Бондарев. «Берег», 1975]

20. *<...> легенды о летчиках, пролетавших под мостом, не столько волновали его воображение, сколько удивляли бессмысленностью поступка <...>* [Владимир Санин. «Не говори ты Арктике – прощай», 1987]

Как уже упоминалось, расщепленная диатеза обычно связывается с механизмом продвижения в позицию подлежащего более семантически выделенного и тематического одушевленного участника. Тем не менее примерно в половине употреблений таких конструкций в корпусе позицию подлежащего занимает неодушевленный участник. Анализ примеров показывает, что конструкции с одушевленными и неодушевленными подлежащими статистически противопоставлены по целому ряду параметров. В целом конструкции с неодушевленными подлежащими часто демонстрируют отклонения от идеальной модели расщепленной диатезы, в частности названные выше.

Во-первых, одушевленные участники в позиции подлежащего, в соответствии с моделью расщепления, чаще выражаются более легкими референциальными выражениями – местоимениями и именами собственными, – которые используются для тематических участников, ср. (21.–22.), в то время как неодушевленные подлежащие чаще являются полными именными группами, как в примерах (18.–20.)¹.

Во-вторых, если с формальной точки зрения рассмотреть свойства группы в творительном падеже, то оказывается, что при одушевленных подлежащих она чаще является именной группой с посессивным местоимением, отсылающим к подлежащему (21.), или сентенциальным дополнением (22.).

21. *Там он познакомился с Вейдле и Карлинским. Поразил их своими знаниями.* [Сергей Довлатов. «Иностранка», 1985]

22. *Он <...> удивляет своих товарищей тем, что добычу отсылает сиротам, стремится к справедливому будто возмездию.* [Н. Зыбин. Шиллер на сцене Малого // «Огонек», № 3, 1970]

При неодушевленных подлежащих выше доля инструментальных дополнений, которые синтаксически являются посессивной группой, т.е. содержат зависимое в генитиве (23.). Кроме того, при них значительно чаще инструментальное дополнение выражено сочиненной группой (24.).

23. *Сочинения Лондона поражают многообразием тем и сюжетов.* [Б. Н. Полевой. «Несколько слов о Джеке Лондоне», 1970–1981]

24. *«Конница» поразила нас яркостью, вещественностью своего стиха, невероятной энергией и какой-то необычной для эмигрантской поэзии нотой.* [Давид Самойлов. «Проза поэта», 1970–1980]

И посессивные, и сочиненные группы являются сравнительно тяжелыми синтаксически, поэтому формально расщепление в таких случаях можно объяснить сложностью потенциальной нерасщепленной структуры. Семантически в

¹ Это различие согласуется с общими закономерностями распределения типов выражения одушевленных и неодушевленных подлежащих, ср. (Макарова, Сай / Makarova, Say 2007), но в случае конструкций с глаголами эмоций наблюдается более сильный перекоп между местоимениями и полными именными группами.

таких конструкциях подлежащее оказывается охарактеризовано более сложно и разносторонне, чем при типах, распространенных при одушевленных подлежащих.

Существуют систематические различия и в том, каким образом при двух типах подлежащих выражается экспериенцер, который в этих конструкциях занимает позицию прямого дополнения. При одушевленном подлежащем экспериенцер чаще выражается личным местоимением, именной группой единственного числа (25.) или именем собственным (26.).

25. *Но Яго в эту минуту занят другим, <...> жена раздражает его неуместностью своего пребывания тут.* [Анатолий Эфрос. «Профессия: режиссер», 1975–1987]

26. *Такой же способностью переносить жару удивляла Ивернева и Тиллоттама.* [И. А. Ефремов. «Лезвие бритвы», 1959–1963]

При неодушевленном подлежащем экспериенцер чаще является множественным участником (24.), частью тела, метонимически соответствующей лицу (27.), или не выражен (23.).

27. *Его пышное цветение радует глаз яркой окраской цветков у разных видов – розовой, красной, белой...* [Светлана Ионина. Всегда цветущий (2004) // «Homes & Gardens», 2004.12.01]

Эти различия можно интерпретировать в терминах связи одушевленного подлежащего с более индивидуированным экспериенцером и более непосредственным эмоциональным воздействием, а неодушевленного – с более обобщенным экспериенцером и условным воздействием.

Также конструкции с одушевленными и неодушевленными подлежащими различаются с точки зрения распределения видов глаголов. При одушевленном подлежащем чаще употребляются глаголы СВ (28.), ср. (27.) с глаголом НСВ. Это различие, как и тип выражения экспериенцера, можно связать с тем, что при одушевленном подлежащем конструкция описывает конкретный факт эмоционального воздействия в прошлом, а при неодушевленном – обобщенную ситуацию, генерическую или многократную.

28. *А Н. А. Булганин, поздоровавшись со мной, представил меня Хрущеву, который удивил меня своим вопросом: <...>* [Владлен Давыдов. «Театр моей мечты», 2004]

Все перечисленные выше свойства указывают на то, что конструкции с переходными глаголами эмоций и инструментальным дополнением, в которых подлежащее соответствует одушевленному участнику, статистически чаще демонстрируют те свойства, которыми обладает эталон расщепленной конструкции. Участник в позиции подлежащего в них чаще тематический, группа в творительном падеже соответствует его свойству или ситуации, в которой он является протагонистом. Также такие употребления ближе к описанию собственно

эмоционального воздействия: индивидуированный экспериенцер претерпевает изменение состояния, ср. (28.).

Употребления с неодушевленными подлежащими чаще описывают ситуации, в которых экспериенциальная составляющая уходит на второй план, описываются прежде всего свойства неодушевленного участника. Синтаксически подлежащее и инструментальное дополнение часто оказываются «тяжелыми» синтаксически, а экспериенцер обобщенным. Глагол эмоций обозначает не столько собственно эмоциональное воздействие, сколько оценку тех свойств, которые описываются инструментальным дополнением, ср. (27.). Такие употребления в силу синтаксической сложности и отдаленности семантической связи между подлежащим и инструментальным дополнением часто бывает затруднительно представить как результат расщепления стимула.

Таким образом, наряду с такими употреблениями с переходным глаголом и инструментальным дополнением, которые соответствуют идеальной модели диатезы с расщепленным стимулом, существует широкий круг случаев, не соответствующих ей в большей или меньшей степени. Можно сказать, что употребления с неодушевленным стимулом в своем типичном виде наследуют у конструкции с одушевленными подлежащими компонент посессивной связи между подлежащим и дополнением и он становится для этих употреблений центральным, в то время как компонент эмоционального воздействия размывается и трансформируется в семантику оценки.

3. Введение прямой речи с помощью глаголов эмоций

Для введения прямой речи в русском языке чаще всего используется конструкция, следующая после фрагмента прямой речи, в которой глагол предшествует подлежащему и другим своим актантам (29.).

29. – *Чего это вы на меня так смотрите, – сказал женщине Андрей, – я, может, тоже туда хочу.* [Виктор Пелевин. «Желтая стрела», 1993]

Для введения прямой речи с помощью этой конструкции могут использоваться не только глаголы речи, но и неречевые глаголы, в частности глаголы эмоций (30.–31.).

30. – *За ним следили? – поразился Иван Дмитриевич. – Кто?* [Леонид Юзефович. «Костюм Арлекина», 2001]

31. *«Как почему? – удивляются обычно экзаменуемые. – На него действует сила, вот он и движется».* [М. Архипов. Сила соображения // «Техника – молодежи», 1974]

В таких конструкциях встречаются прежде всего возвратные глаголы эмоций СВ (30.–31.) – у некоторых из них (*удивиться, поразиться*) такие употребления составляют около половины всех употреблений. Из участников ситуации

в таких конструкциях выражен обычно только экспериенцер, а стимул упоминается при глаголе крайне редко (32.).

32. *Как раз на Прагу, – обрадовалась совпадению Луна.* [Марина Полетика. «Однажды была осень», 2012]

Использование глаголов эмоций для введения прямой речи рассматривается в работах (Melchuk 1988; Мельчук / Melchuk 1995: 215–231), где обсуждаются два возможных подхода к анализу таких употреблений: лексический, при котором глаголы эмоций, способные так употребляться, считаются в одном из значений глаголами речи, и синтаксический, при котором речевое значение приписывается самой синтаксической структуре. Изложенные ниже результаты корпусного исследования указывают на то, что для лексического подхода к таким употреблением существуют некоторые основания. Об этом можно судить на основании того, для введения каких речевых актов используются глаголы эмоций и как они соотносятся с существующими в русском языке глаголами речи.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что глаголы эмоций *удивиться, поразиться, испугаться* в основном вводят вопросительные реплики (30.–31.). Если классифицировать эти реплики на более дробные типы речевых актов, то можно заключить, что они прежде всего относятся к переспросам, ср. (30.), (33.), к вопросам, отражающим недоверие к реплике собеседника (34.), к вопросам о том, как следует интерпретировать предыдущую реплику собеседника, в частности к вопросам с металингвистическим *почему* ('почему ты так говоришь / думаешь?') (35.).

33. – *Главная состояла в том, чтобы защищать меня. – Тебя? Человека? – удивился Славмир.* [Виталий Пищенко. Замок ужаса // «Техника – молодежи», 1991]

34. *Похвала Одинцова выражалась в следующих словах: – Ну-с вот, теперь для вас вроде все прояснилось. Это главное. Только для вашей темы ничего этого не нужно. – Как не нужно? – испугался Андрей.* [Даниил Гранин. «Искатели», 1954]

35. – *Ну и никто не стал бы такую книгу читать! – злорадно возвестил Аптахар. – Почему? – удивился Гверн. – Если будет складно и занятно рассказано, то почему бы и нет?* [Мария Семенова. «Волкодав: Знамение пути», 2003]

Тем самым те вопросительные реплики, которые вводят глаголы эмоций, обычно связаны не с запросом на получение новой информации, а с интерпретацией и уточнением реплики собеседника. Такие вопросы можно назвать металингвистическими. Из глаголов речи, используемых для введения вопросов, к этому кругу контекстов ближе всего глагол *переспросить*, и он, действительно, сближается с названными выше глаголами эмоций в контекстах, содержащих

дословные переспросы, ср. (33.) и (36.). Тем не менее металингвистические переспросы, такие как (34.–35.), редко встречаются среди реплик, вводимых глаголом *переспросить*.

36. *С какой целью? Он уличал? В чем? – С какой целью? – переспросил Бахирев. – С единственной целью: предупредить массовые аварии.* [Г. Е. Николаева. «Битва в пути», 1959]

Глагол *обрадоваться* также используется для введения прямой речи в значительной части употреблений (около трети), см. (37.–38.).

37. *– Доброе утро! – Вот-вот, – обрадовался Мирон, – доброе, доброе... Хотя утро выдалось пасмурное и холодно-ветреное.* [Альберт Лиханов. «Кикимора», 1983]

38. *Вертишь за ручку – лампочка горит. – Правильно, – обрадовался учитель. – Крутишь и горит.* [Евгений Велтистов. «Победитель невозможного», 1975]

Как показывают примеры, реплики, вводимые глаголом *обрадоваться*, редко относятся к вопросам, однако они также в основном имеют металингвистический характер – выражают согласие с мнением собеседника или одобрение действия. Если сравнить с точки зрения круга контекстов глаголы *обрадоваться* и *согласиться*, то оказывается, что последний чаще обозначает согласие выполнить действие, предлагаемое собеседником (39.), а не согласие с мнением собеседника.

39. *– Хорошо, – согласился сдержанно дядя, – не будем касаться вашей науки.* [Ю. О. Домбровский. «Обезьяна приходит за своим черепом», часть 1, 1943–1958]

Итак, все глаголы эмоций, у которых употребления для введения прямой речи составляют существенную долю, часто вводят реплики, которые являются металингвистической реакцией на предыдущую реплику. Можно предположить, что это является результатом встраивания семантической структуры глаголов эмоций в условия диалога: глаголы эмоций описывают реакции, вызванные стимулом и в то же время направленные на стимул, см. о совмещении ролей причины и цели в роли стимула в (Croft 1993: 64). Металингвистические реплики, вводимые глаголами эмоций, являются реакцией на реплику собеседника и в то же время запрашивают пояснения, интерпретации этой реплики.

С точки зрения распределения глаголов эмоций, вводящих прямую речь, и различных типов речевых актов, наблюдается взаимное притяжение между отдельными глаголами эмоций или семантическими подгруппами глаголов и репликами, соответствующими речевым актам периферийных типов. Это такие речевые акты, для которых отсутствует специализированный глагол речи и которые хорошо совместимы с экспрессивным компонентом и семантическим устройством глаголов эмоций.

Эти наблюдения указывают на то, что использование глаголов эмоций для введения прямой речи не сводится к простой сумме значений глагола эмоций и речевого компонента, например ‘удивиться’ и ‘произнести’, т.е. к композиционной сумме значений глагола и конструкции. Употребление глаголов эмоций в специализированной конструкции введения прямой речи в большой степени конвенциализировано: определенные типы речевых актов регулярно вводятся определенными глаголами эмоций или глаголами одной тесной семантической группы. Сильная связь между типами реплик и определенными группами глаголов эмоций в большей степени согласуется с анализом этого явления как лексического: в некотором смысле глагол *удивиться* в конструкциях с прямой речью является глаголом, который значит ‘запросить дополнительное пояснение или интерпретацию реплики собеседника’. В то же время ясно, что и при введении прямой речи контекст предполагает эмоциональную реакцию, описываемую глаголом эмоций.

Конструкции с прямой речью представляют собой еще один случай, лежащий за пределами альтернатив диатез глаголов эмоций, поскольку в таких конструкциях задействованы почти исключительно возвратные глаголы, и такие конструкции очевидно не входят в зону выбора между переходной и возвратной диатезами. Как и в случае конструкций с неодушевленным подлежащим и инструментальным дополнением, глаголы эмоций в конструкциях с прямой речью сдвигаются от обозначения собственно эмоциональной реакции, и их семантическая структура приспособляется для описания ситуаций другого типа.

4. Распределение диатез глаголов эмоций в корпусе

В данном разделе, с одной стороны, делается попытка описать распределение основных диатез глаголов эмоций в обобщенном виде, а с другой стороны, отмечается еще несколько конструкций, частотных для отдельных глаголов эмоций. Для этого раздела были проанализированы случайные выборки восьми пар базовых глаголов эмоций русского языка, включающих переходный и возвратный глаголы (около 200 употреблений каждой пары): *бояться – пугать, удивиться – удивить, радоваться – радовать, поразить – поразиться, удивляться – удивлять, поражать – поражаться, испугаться – испугать, обрадоваться – обрадовать*.

Если рассматривать диатезу как некоторую самостоятельную семантико-синтаксическую сущность, то можно ожидать, что каждая из диатез (или диатетических альтернатив) обладает определенными закономерностями употребления, независимыми от конкретной глагольной леммы. На практике обнаружить такие закономерности в распределении различных диатез и конструкций, которые бы охватывали все глаголы эмоций, затруднительно, и из всех обобщений находятся исключения.

Тривиальное обобщение такого рода – то, что возвратная диатеза при глаголах эмоций обладает большей частотностью, чем переходная, ср. (Падучева / Paducheva 2004: 279). Большинство приведенных выше пар глаголов соответствуют этому обобщению: возвратная диатеза употребляется в два-три раза чаще переходной. Исключение составляют пары *поражать – поражаться* и *поразить – поразиться*, у которых наблюдается обратное соотношение. Одно из возможных объяснений такого отличия этих двух родственных пар глаголов состоит в том, что у них сравнительно недавно возникла способность описывать эмоции, а рост частотности возвратного глагола связан с развитием эмотивного значения, см. о семантическом развитии этих глаголов в (Овсянникова / Ovsyannikova 2022).

Диатеза с пассивными причастиями глаголов СВ, которая рассматривалась отдельно от возвратной и переходной диатез, обычно менее частотна, чем переходный глагол, однако более частотна, чем любая из его нефинитных форм. При этом в существенной доле употреблений пассивные причастия используются в полной форме. В основном эти формы встречаются в конструкциях, в которых в качестве экспериенцера метонимически выступает часть тела или речевое проявление участника (40.), или в нерестриктивных оборотах, описывающих эмоциональную реакцию как причину последующего действия участника (41.), см. о таких употреблении в (Ovsjannikova, Say 2021).

40. *Испуганным шепотом, полная сочувствия, спрашивает: – Она ушла?* [Федор Кнорре. «Каменный венок», 1973]

41. *Обрадованный, я передал ему ворох бумажек и взялся за книжки.* [Мариам Петросян. «Дом, в котором...», 2009]

Полные формы преобладают у всех рассмотренных пассивных причастий, кроме причастия *пораженный*, которое скорее употребляется в краткой форме (42.), возможно, «компенсируя» таким образом низкую частотность возвратного глагола.

42. *Уже в отдаленные времена люди, предпринимавшие восхождение на горы, были поражены одним чрезвычайно загадочным явлением.* [А. Л. Чижевский. «Вся жизнь», 1959–1961]

С точки зрения выражения стимула и возвратные, и переходные глаголы демонстрируют большое разнообразие. Тем не менее и здесь можно выделить закономерности, общие для большей части анализируемых глаголов. Среди возвратных глаголов существуют различия между глаголами НСВ и СВ. При возвратных глаголах НСВ стимул гораздо чаще выражен и оформлен основным для глагола способом, например дательным падежом при глаголе *удивляться* (43.). При возвратных глаголах СВ стимул гораздо чаще остается невыраженным, даже если не учитывать употребления, где эти глаголы вводят прямую речь. Возвратные глаголы СВ обычно встраиваются в цепочку последовательных событий, и глагол эмоций описывает реакцию на предыдущую ситуацию в цепочке (44.).

43. *Мы мерзли в спальных мешках и удивлялись стойкости комаров.* [А. М. Портнов. Магнитная память о прошлых пожарах // «Химия и жизнь», 1986]

44. *Мало того, когда я наконец выдохся совсем, старик молчал еще целую минуту, а потом вдруг спросил, кто такие эти голованы. Я удивился самым искренним образом.* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. «Жук в муравейнике», 1979]

В существенной доле употреблений глаголов *удивиться* и *обрадоваться* (но не соответствующих им глаголов НСВ) ситуация, вызвавшая эмоциональную реакцию, вводится с помощью деепричастия глагола восприятия или получения знания, зависимое при которых, в свою очередь, можно идентифицировать со стимулом эмоциональной реакции (45.–46.).

45. *Маленький, щедущий, он походил на подростка, и мы удивились, узнав, что ему уже за тридцать.* [Н. В. Кожевникова. «Колониальный стиль», 2003]

46. *Костя также обрадовался, увидев знакомое озеро.* [Василь Быков. «Болото», 2001]

Несмотря на то что такие конструкции нельзя считать особым закрепленным способом выражения стимула, они обращают на себя внимание своей сравнительно высокой частотностью при отдельных глаголах эмоций, а также тем, что обычно располагаются после глагола, что нетипично для деепричастных оборотов, выражающих причину.

Переходные глаголы в основном употребляются в нерасщепленной диатезе с неодушевленным стимулом в позиции подлежащего, выраженным именной группой (47.) или местоимением (48.).

47. *Меня очень радует упоминание знакомых имен <...>* [Юлий Даниэль. «Письма из заключения», 1966–1970]

48. *Меня это никогда не обижало и не удивляло.* [В. Г. Малахьева-Мирович. «Маятник жизни моей: дневник русской женщины», 1930–1954 (1952)]

При большинстве глаголов можно выделить и небольшую группу употреблений с одушевленным стимулом в позиции подлежащего, причем все проанализированные глаголы СВ (*удивить*, *обрадовать*, *поразить*, *испугать*) при таком подлежащем встречаются в форме инфинитива чаще, чем при подлежащих других типов (49.).

49. *Испугать его можно, но вот поразить кошачью фантазию нам, по правде говоря, нечем.* [Александр Генис. «Темнота и тишина», 1996–1997]

Использование формы инфинитива с одушевленным подлежащим можно связать с агентивным компонентом, часто заложенным в таких контекстах. Употреблений, в которых эти глаголы очевидно описывали бы агентивное воздействие, в исследованной выборке нет. Тем не менее можно учесть, что глагол

обычно принимает форму инфинитива, выступая в качестве зависимого матричного предиката, в частности модального, а модальные контексты в некоторой степени предполагают контроль над каузацией эмоции.

Расщепленная диатеза – конструкция с инструментальным дополнением (50.) – с разной частотностью фиксируется при разных глаголах, однако во всех случаях встречается существенно реже нерасщепленной структуры. Наибольшую долю (около трети) конструкции с инструментальным дополнением составляют при глаголе *поражать* (50.). Среди этих употреблений примерно в двух третях случаев подлежащее является неодушевленным.

50. *Изображенное в фас лицо Маргарет поражает своей взрослой серьезностью, напоминающей детские портреты великого предшественника Гейнсборо – Антониса ван Дейка.* [Т. Акимова. «Музей Виктории и Альберта. Лондон», 2012]

Специфической для этого глагола является и другая структура, которую можно рассматривать как результат расщепления. Если в конструкции с инструментальным дополнением посессор занимает более привилегированную синтаксическую позицию подлежащего, то в данном случае посессор выражается отдельно с помощью группы с предлогом *в*, а обладаемое остается в позиции подлежащего (51.).

51. *В этом свидетельстве историка нас поражает ясность понимания системной сущности истории человечества, которая и лежит в основе всей развитой нами концепции.* [С. П. Капица. «Парадоксы роста. Законы развития человечества», 2010]

В таких употреблениях и «посессор», выраженный группой с предлогом *в*, и обладаемое в позиции подлежащего чаще являются неодушевленными участниками. Несмотря на то что посессор в данном случае кодируется как синтаксически периферийная группа, в коммуникативном отношении он обычно является тематическим, как и в случае канонического расщепления с подъемом посессора в позицию подлежащего.

У глагола *удивить* в рамках расщепленной конструкции в качестве отдельного типа можно рассматривать конструкцию с отрицанием и глаголом в какой-либо форме с потенциальным значением (будущего времени или инфинитива), см. (52.).

52. *Уже сейчас никого не удивишь емкостью жестких дисков в сотни гигабайт.* [А. Перов. Флэш-память: физика, применение и перспективы // «Наука и жизнь», 2008]

В буквальном прочтении такие употребления предполагают одушевленного и в некоторой степени агентивного субъектного участника, однако в большинстве случаев можно говорить о значительной идиоматизации этой конструкции.

Во-первых, экспериенцер обычно выражен отрицательным местоимением, т.е. не соответствует конкретному референту. Во-вторых, участника, выраженного с помощью группы в творительном падеже, часто сложно представить как обладаемое какого бы то ни было одушевленного участника, ср. (52.). Такие конструкции прежде всего передают идею того, что явление, которое описывается этой группой, не является редкостью. Тем самым эти конструкции служат еще одним, хотя и крайне ограниченным лексически, примером сдвига семантики глагола эмоций и в целом ситуации эмоционального воздействия, в результате которого конструкция служит для обозначения ситуаций иного типа.

В целом сплошной анализ употреблений глаголов эмоций в корпусе позволяет получить более полную и сложную картину разнообразия свойственных им конструкций. Для многих из них затруднительно определить отношение к тем альтернативам, которые традиционно постулируются на основании интроспекции исследователей и анализа частотных употреблений, в наибольшей степени соответствующих представлениям об устройстве семантики глаголов эмоций. В этом разделе из конструкций такого рода упоминались употребления, в которых стимул при глаголах *обрадоваться* и *удивиться* вводится деепричастием глагола восприятия или получения знания, расщепленная конструкция с посессором, оформленным предлогом *в*, при глаголе *поражать*, а также отрицательная расщепленная конструкция с глаголом *удивить*. Все эти конструкции достаточно частотны для соответствующих глаголов, поэтому их сложно рассматривать как случайное или маргинальное явление, но недостаточно частотны и распространены лексически для того, чтобы получить собственный статус в рамках системы диатез глаголов эмоций.

5. Выводы

В статье рассматривались диатезы и конструкции, характерные для глаголов эмоций русского языка. Большинство диатетических альтернатив, свойственных глаголам этого класса в русском языке, описывались в типологической литературе на материале других языков и обсуждались на материале русского языка. Основная цель данной статьи состояла не в том, чтобы предложить новый анализ этих альтернатив, а в том, чтобы более подробно остановиться на таких употреблениях глаголов эмоций, которые находятся за рамками этих диатетических альтернатив или не укладываются в модель соответствий между диатезами в синтаксическом и / или семантическом плане. Анализ таких употреблений позволяет сделать два обобщения.

Во-первых, конструкции, которые не укладываются в модель той или иной диатетической альтернативы в синтаксическом плане, часто и в семантическом отношении демонстрируют отступления от собственно эмотивного значения. Так, для употреблений с неодушевленным подлежащим и инструментальным

дополнением, часто не соответствующих синтаксической модели диатезы с расщепленным стимулом, можно говорить о переносе акцента с эмоционального воздействия на оценку свойств потенциального стимула. В употреблениях для введения прямой речи возвратные глаголы эмоций обслуживают реплики, соответствующие периферийным речевым актам, прежде всего с металингвистической составляющей. Связь между определенными глаголами эмоций и типами речевых актов оказывается в большой степени конвенционализированной, что препятствует анализу таких употреблений как композициональной суммы эмотивного значения глагола и речевого значения, выражаемого конструкцией. В то же время в обоих случаях сложно говорить о четкой границе между эмотивным и иным значением: в первом – в силу того, что специфика употреблений с неодушевленным участником проявляется статистически, а не как абсолютное свойство, во втором – в силу того, что глагол сохраняет и исходное эмотивное значение.

Второе обобщение касается лексического аспекта диатетических альтернатив. Как показал анализ употреблений даже небольшого числа базовых глаголов эмоций в корпусе, у многих глаголов можно обнаружить индивидуальные конструкции, которые в некоторых случаях можно считать подтипом диатез, характеризующих класс глаголов эмоций в целом, ср. конструкцию с отрицательной формой глагола *удивить*. В других случаях такие конструкции можно считать одним из членов отдельной альтернативы, крайне ограниченной лексически, ср. расщепленную конструкцию с предлогом *в*, встречающуюся преимущественно при глаголе *поразить*. Наличие таких конструкций может в большой степени определять частотное распределение диатез глаголов эмоций и их грамматических характеристик и затрудняет выявление общих для всех глаголов эмоций частотных закономерностей в употреблении диатез.

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двусторонне сътрудничество – България – Русия 2019–2020).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020).

Цитируемая литература / References

- Apresyan 1998: Апресян, Ю. Д. Каузативы или конверсивы? – В: Козинцева, Н. А., А. К. Оглоблин (ред.). *Типология. Грамматика. Семантика. К 60-летию В. С. Храковского*. Санкт-Петербург: Наука, с. 273–281. (Apresyan, Yu. D. *Kauzativy ili konversivy?* – In: Kozinceva, N. A., A. K. Ogloblin (eds.). *Tipologiya. Grammatika. Semantika. K 60-letiyu V. S. Hrakovskogo*. Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 273–281.)
- Apresyan V. 2013: Апресян, В. Ю. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента. – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции «Диалог-2013»*, вып. 12 (19),

- с. 43–57. (Apresyan V. Yu. Semantika emotsional'nyh kauzativov: status kauzativnogo komponenta. – In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog-2013"*, 12 (19), pp. 43–57.)
- Bossong 1998: Bossong, G. Le marquage de l'expérient dans les langues d'Europe. – In: Feuillet, J. (ed.). *Actance et valence dans les langues de l'Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 259–294.
- Croft 1993: Croft, W. Case marking and the semantics of mental verbs. – In: Pustejovsky, J. (ed.). *Semantics and the Lexicon*. Dordrecht, pp. 55–72.
- Dowty 1991: Dowty, D. Thematic proto-roles and argument selection. – In: *Language*, 67, pp. 547–619.
- Grimshaw 1990: Grimshaw, J. *Argument Structure*. Cambridge etc: MIT Press.
- Knyazev 2007: Князев, Ю. П. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. Москва: Языки славянской культуры. (Knyazev, Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury.)
- Kustova 1996: Кустова, Г. И. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором. – В: *Московский лингвистический журнал*, 2, с. 240–261. (Kustova, G. I. O kommunikativnoy strukture predlozhenij s sobytijnym kauzatorom. – In: *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal*, 2, pp. 240–261.)
- Makarova, Say 2007: Макарова, А. В., С. С. Сай. Взаимодействие некоторых характеристик русских именных групп (статистический аспект). – В: Герасимов, Д. В., С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай (ред.). *Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. Санкт-Петербург, 1–3 ноября 2007 г.* Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 119–124. (Makarova, A. V., S. S. Say. Vzaimodejstvie nekotoryh harakteristik russkih imennyh grupp (statisticheskij aspekt). – In: Gerasimov, D. V., S. Yu. Dmitrenko, S. S. Say (eds.). *Chetvertaya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodyh issledovatelej. Materialy. Sankt-Peterburg, 1–3 noyabrya 2007 g.* Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, pp. 119–124.)
- Melchuk 1988: Mel'čuk, I. A. *Dependency Syntax: Theory and practice*. Albany, NY: SUNY.
- Melchuk 1995: Мельчук, И. А. *Русский язык в модели «Смысл-Текст»*. Москва-Вена: Школа «Языки русской культуры». (Mel'chuk, I. A. *Russkij yazyk v modeli "Smysl-Tekst"*. Moskva-Vena: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury".)
- Ovsyannikova 2015: Овсянникова, М. А. Возвратные и переходные глаголы эмоций русского языка: свойства актантов и дискурсивные функции. – В: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН*, XI, 1, с. 439–468. (Ovsyannikova, M. A. Vozvratnye i perehodnye glagoly emotsij: svojstva aktantov i diskursivnye funktsii. – In: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN*, XI, 1, pp. 439–468.)
- Ovsyannikova 2019: Овсянникова, М. А. Синтаксическое кодирование экспериенциальных ситуаций в русском языке: сопоставление групп глаголов восприятия, мышления и эмоций. – В: *Вопросы языкознания*, 6, с. 68–93. (Ovsyannikova, M. A. Sintaksicheskoe kodirovanie eksperiencial'nyh situatsij v russkom yazyke: sopostavlenie grupp glagolov vospriyatiya, myshleniya i emotsij. – In: *Voprosy yazykoznanija*, 6, pp. 68–93.)
- Ovsjannikova, Say 2021: Ovsjannikova, M., S. Say. Stimulus encoding in constructions with past passive participles: construal and diachrony. – In: *Russian Linguistics*, 45(3), pp. 283–304.

- Ovsyannikova 2022: Овсянникова, М. Инструментально кодиране на Стимула и диахронното развитие на глаголите за емоционално състояние в руски език. – В: *Български език*, Приложение, с. 429–440. (Ovsyannikova, M. Instrumentalno kodiranje na stimula i diahronното развитие na glagolite za emotsionalno sastoyanie v ruski ezik. – In: *Balgarski ezik*, Prilozhenie, pp. 429–440.)
- Paducheva 2004: Падучева, Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры. (Paducheva, E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury.)
- Pesetsky 1995: Pesetsky, D. *Zero Syntax: Experiencers and Cascades*. MIT Press.
- Verhoeven 2007: Verhoeven, E. *Experiential constructions in Yucatec Maya: a typologically based analysis of a functional domain in a Mayan language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Diatheses of Russian verbs of emotion

Maria Ovsjannikova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

masha.ovsjannikova@gmail.com

Abstract

The paper deals with the diatheses, diathetic alternations and constructions characteristic of verbs of emotion in Russian. The focus of the study is on the limits of diathetic alternations and the groups of uses that fall beyond their scope, i.e. ones that cannot be transformed into an alternative diathesis. In particular, I discuss the diversity of constructions with transitive verbs of emotion and an instrumental object, as well as the use of reflexive verbs of emotion to introduce direct speech. I also analyze the distribution of the uses of several basic verbs of emotion in texts in terms of the diathetic types and point out a number of verb-specific constructions.

Keywords: *verbs of emotion, diatheses, alternations, semantic shift*

Maria Ovsjannikova
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane
St. Petersburg, 199004
Russia
masha.ovsjannikova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8313-0374>